

Икингрин Е.Н.
(Нижневартовск, Россия)
Самсонов В.В.
(г. Новосибирск, Россия)

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ

Теоретическая интерпретация процессов, происходящих сегодня в бывших советских республиках (на территории бывшего СССР), представляется одной из самых важных задач, стоящих перед отечественными социальными науками. Эти процессы представляют собой беспрецедентное явление, до сих пор допускающее самые разнородные толкования (от социального коллапса до возврата в магистральное русло цивилизации) и ставят науку перед необходимостью серьезного переосмысления стоящих перед ней проблем и выработки новых адекватных концептуальных оснований исследований.

Модернизационная концепция современной социальной истории является фактически общепринятой в западной социологической мысли. Идея о том, что все многообразие социальных, экономических и культурных процессов, происходящих во всем мире на протяжении, по крайней мере, последних четырех веков, можно рассматривать в контексте более-менее единого поступательного движения от традиции к модерну, тесно связана со всей европейской социальной мыслью Нового Времени. Как справедливо указывают авторы целого ряда работ, в некотором смысле теория модернизации есть просто «социологическое прочтение» общей для всей западной цивилизации идеи прогресса.

При этом наибольший интерес вызывают различные аспекты этой концепции, связанные с так называемой «вторичной модернизацией», то есть с приобщением к глобальному мировому обществу «развивающихся стран».

Обычно в понятие модернизации вкладывается значение изменений, соответствующих буржуазным преобразованиям и ознаменовавших наступление в мировой истории так называемого «нового времени», когда началось капиталистическое развитие ряда стран.

Большинство стран, которые принято сейчас называть развитыми, пережили этап модернизации в период Нового времени, в XVII-XIX века. Именно в это время в Англии, Америке, а также

в большинстве стран Западной Европы происходит становление капитализма как системы хозяйствования, а также обосновывающей его идеологии и этики. Прочие страны, те которые принято называть развивающимися, пережили этап становления капиталистической системы отношений немного позднее, и имели в качестве примера для подражания развитые страны, заимствуя опыт их общественных практик.

Таким образом, модернизация, которую мы наблюдаем в XX веке, как правило, имеет характер «догоняющего» развития. В силу того, что родоначальницей буржуазных революций была Западная Европа, модернизация часто понимается как «вестернизация», то есть как простое заимствование опыта Запада. В XX веке модернизация приобретает характер универсального по своему временному характеру и географическому охвату явления, поскольку модель развития, предлагаемая западными обществами, оказывается достаточно легко воспроизводимой и поэтому всеобщей.

Распространение рыночной экономической модели отношений, соответствующих капиталистической организации общества и экономики, является общим основанием и процесса глобализации и процесса модернизации, и, таким образом, связывает глобализацию в ее современной моноформационной форме и модернизацию в форме вестернизации (являющуюся одной из самых распространенных практик развития стран «третьего мира» в послевоенное время).

Капиталистическая система отношений лежит в основе глобализационных и модернизационных процессов. Однако если модернизацию можно интерпретировать как первоначальное становление капитализма в процессе движения от традиции к современности, то процессы глобализации – это дальнейшее количественное, а затем и качественное развитие капиталистической системы отношений в направлении перехода от состояния современности (*modernity*) к состоянию постсовременности (*postmodernity*). В такой интерпретации глобализация выступает естественным продолжением модернизации на пути обществ к прогрессу, а модернизация в свою очередь может рассматриваться как один из вариантов глобализационных изменений.

Не надо забывать, что интерпретация мирового развития в терминах теории модернизации, равно как и в терминах теории глобализации, по существу является попыткой построения системы, способной описать и объяснить происходящие в реальности

процессы (причем сами процессы «реальны» ровно настолько, насколько они конституируются в качестве предмета исследования соответствующих теорий). Каждая из этих систем включает свой понятийный и категориальный аппараты и предоставляет методологическую схему для изучения общественных процессов. Однако при этом они остаются всего лишь теоретическими системами, что налагает ограничение на использование этих теорий в качестве окончательных объяснительных конструкторов.

Методологический подход в рамках модернизационной, равно как и в рамках глобализационной парадигм, которые в нашем случае выступают как взаимодополняющие, по сути своей является чисто операциональным, что позволяет в значительной степени элиминировать влияние тех или иных идеологических, либо оценочных суждений на результаты конкретно-социологического анализа. Кроме того, операционализация в терминах, являющихся *de facto* стандартом в мировой эмпирической социологии, позволяет использовать получаемые в рамках данной концепции результаты для проведения различных кросс-культурных сопоставлений.

Большинство классических концепций модернизации явно или неявно в качестве общей схемы модернизации предполагали следующую: ключевым в процессе модернизации является модернизация экономической сферы, результатом которой должно стать достижение экономической однородности обществ. Это в свою очередь открывает возможность для достижения политической, культурной и социальной однородности. Очевидно, что в таком понимании все теории модернизации часто рассматриваются как варианты теории «монолинейного развития», так как в их основу заложен принцип неизбежности капиталистического развития характерных для развитых капиталистических стран производственных и общественных отношений.

Уже начиная со второй половины 60-х годов вышеописанное представление о модернизации стало все сильнее подвергаться критике. В этом направлении действовало сразу несколько различных факторов:

1. Прежде всего, были подвергнуты критике «европоцентристские» положения 50-х годов. Указывалось на то, что модернизация в различных частях мира может идти различными путями, не обязательно повторяя европейский опыт. Таким образом, ставился под сомнение тезис о постепенном нарастании однородности обществ, так называемая «теория конвергенции» [1].

2. Наибольший интерес вызвали различные аспекты модернизационной концепции, связанные с так называемой «вторичной, догоняющей модернизацией», то есть с приобщением к глобальному мировому сообществу «развивающихся» стран.

3. Процессы, разворачивающиеся в странах догоняющей модернизации, наглядно показали ошибочность некоторых суждений теоретиков-модернизаторов. Успехи модернизации в Японии и ряде других стран Восточной Азии скомпрометировали классический вывод М. Вебера о том, что конфуцианская мораль является тормозом на пути рационализации общественных отношений и, следовательно, препятствует модернизации. В Японии же успешная модернизация экономических и социальных отношений сочеталась с постоянной опорой на традиционные конфуцианские и буддистские ценности [2, 3].

4. Ученые вынуждены были признать, что большинство развивающихся обществ сталкивается в процессе модернизации со значительными трудностями социального характера [4], и что собственно социальная модернизация в развивающихся странах, как правило, носит противоречивый и кризисный характер.

Еще одно направление критики теории модернизации задала возникшая глобализационная парадигма. Как показал опыт XX века, развитые страны, выступавшие своеобразным идеалом для развивающихся модернизирующихся стран, сами неожиданно вступили в фазу новых изменений, причем достаточно противоречивую – фазу глобализации. В результате сама цель процесса модернизации оказалось под вопросом, так как зафиксировать ее в виде определенного статичного состояния, которое можно не только достигнуть, но и поддерживать оказалось невозможно.

Кроме того, начавшаяся глобализация прояснила некоторые моменты не получившие удовлетворительного объяснения в рамках теории модернизации: была по новому освещена роль традиционного фактора, обозначила предел противоречий между экономическим, социальным и культурным развитием, процессы выявленные с помощью теории глобализации позволили обосновать и объяснить многовариантность догоняющей модернизации и пр. Тем самым теория глобализации, в какой то степени, обновила модернизационную парадигму, и стимулировала ее возрождение. В результате уже начавшая терять свою актуальность теория модернизации, вновь стала оказалась релевантным инструментом анализа происходящих изменений.

Например, Ш.Эйзенштадт в своей самой известной работе «Традиция, развитие и современность» [5], получившей большой резонанс в мировой социологии [6] писал: «Критика привела к утверждению нескольких важных аспектов вариативности институциональных сторон модернизации. Во-первых, ... формирование новых институтов... не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем... Во-вторых, все в большей степени признавалась системная жизнеспособность переходных обществ...» [7].

Важное значение имеет тезис Эйзенштадта о том, что традиционное общество под влиянием модернизации может эволюционировать в некие промежуточные формы, которые обладают способностью к относительно устойчивому воспроизводству.

Внимание теоретиков модернизации особо привлекает специфическая черта модернизации развивающихся стран, кажущаяся на первый взгляд парадоксальной: по мере развития современной промышленности, технологий, требующих и модернизации способов управления экономикой, эти страны сохраняют черты своей культурной идентичности и традиционные для них специфические способы взаимодействия общества и государства (в том числе и в сфере экономики), более сходные иногда с архаическими традициями древности, чем с политическими институтами западноевропейских стран.

Подобные наблюдения подводят к проблеме компонентных взаимоотношений в модернизируемых обществах собственно элементов модернизации (понимаемой в узком смысле как ответ «отсталых» стран на вызов более «развитых» стран) и элементов традиционности (понимаемой в более широком, системном плане, чем, например, исключительно формационная традиционность).

После распада Советского Союза и крушения всей советской системы союзные республики оказались перед необходимостью вхождения в глобальное мировое сообщество. Для достижения этой цели перед каждым из постсоветских государств встала задача наиболее быстрой и эффективной модернизации, ориентированной на темпы и стандарты западного развития, но в то же время учитывающую экономическую, социальную, политическую, культурную специфику постсоветских обществ.

Модернизационный подход является одним из наиболее распространенных философско-социологических подходов к проблеме современного развития России и других новых независи-

мых государств (ННГ). Российские последователи этого подхода пытаются объединить идею модернизации (то есть заимствования западных стратегий ценностей, институтов и направлений развития) с идеей российской самобытности.

Характерным отличием сформировавшегося на этой основе направления российских исследований является попытка увязать проблему модернизации российского общества с «русским национальным характером», и цивилизационными особенностями России – своего рода «почвеннический» подход.

Часто отмечается также, что причиной неуспеха модернизации в незападных странах (вне родины модерна) является ее инструментальный характер, в процессе модернизации не происходит смены идентичности. «Модернизация не осознавалась во всей ее сложности, как многосторонняя и глубокая перестройка всего социального тела, а становилась чуть ли не синонимом одного лишь промышленно-технического прогресса, который можно сочетать с сохранением социальной архаики» [8].

Тем не менее, возможность преодоления разрыва с развитыми странами в условиях догоняющей модернизации, которая выступает основной стратегией развития большинства постсоветских государств, является одной из самых актуальных проблем, волнующих современных исследователей.

Опыт модернизационных реформ в постсоветских обществах и других странах мира показал, что догоняющая модель развития имеет пределы, которые можно интерпретировать как отрицательные факторы догоняющей модернизации [9]:

1. Часто результатом догоняющей модернизации является потеря традиционной культуры без обретения новой, современной. Такие неудачи модернизационной стратегии особенно в 1960—70-е годы в ходе активных усилий преобразовать страны, освобождающиеся от колониальной зависимости, вообще вывели термин «модернизация» из употребления, скомпрометировав его. Вместо него стали употреблять понятие «развитие».

Не стоит забывать о том, что ускоренные индустриальные модернизации, в большинстве стран, не смогли до конца переплавить элементы традиционного, добуржуазного сознания. В этих странах (что применимо и к странам бывшего СССР) кризис местной индустрии и обесценение труда под давлением конкуренции глобального рынка привели к архаизации многих сторон общественной жизни, т.е. фактически к выпадению из современности.

Такая внешне парадоксальная реакция, в частности, прослеживается в явном повороте к ренатурализации форм экономической деятельности. Можно полагать, что промежуточные социальные структуры, порожденные этапом модернизации, на самом деле не уничтожили предшествовавших им архаичных способов организации общественной жизни, а лишь подавили, скрыли их. В новых же условиях эти традиционные структуры обнаруживают высокую способность к реинституционализации. Выпадение из «состояния модерна» происходит сегодня на всем пространстве СНГ, где в той или иной степени возрождаются архаичные, до-модернизационные экономические и социокультурные уклады, а индустриальный сектор экономики, будучи поставленным в условия глобального рынка, зачастую не способен выдерживать глобальную конкуренцию.

2. «Догоняющая модель» модернизации создает острова, анклавов современной жизни в отсталых странах. Например, это – Москва и Санкт-Петербург в России, отличающиеся и образом жизни, и состоянием сознания от российской провинции. Эти анклавов, несомненно, облегчают задачи модернизации, но, вместе с тем, они усиливают социальную несправедливость и дифференциацию общества, делают неустойчивым социальный баланс. Модернизация догоняющего типа создает явное неравенство.

3. «Догоняющая» стратегия предполагает, что Северная Америка и Западная Европа, то есть те страны, которые «догоняют» остальной мир, остаются неизменными, так сказать, дожидаясь отставших соседей. Подобная рационально-научная легитимация развития была принята в течении долгого времени и состояла в том, чтобы воспринять некоторые образцы развития в качестве норм. Но «догнать» можно было только в том случае, если модель развития, его образец были известны. Опыт Японии и Юго-Восточной Азии в целом, и провозглашенный в 1990-е годы российский неомодернизм, опровергли этот источник легитимации, признанный основным в модернизационных теориях. Сегодня многие развитые капиталистические страны сами находятся в процессе радикальной трансформации.

4. Особая сложность в достижении успеха в процессе вторичной, догоняющей модернизации видится в том, что догоняющим странам необходимо преодолеть не количественный, а качественный разрыв. Догоняющие страны развивают в первую очередь индустриальную экономику, в то время как передовые

страны мира вступили в стадию постиндустриального, или даже постэкономического развития [10].

Модернизация, осуществленная в течение последних десятилетий государствами Юго-Восточной Азии, является убедительным примером бесперспективности «догоняющего» развития. Несмотря на то, что в результате модернизации эти государства попали в число развитых индустриальных стран, и с этой точки зрения модернизация может считаться удачной, однако платой за быстрое развитие стала относительная односторонность азиатских хозяйственных систем, ориентированных на экспорт. При этом не может быть и речи о том, что значительная часть производимой продукции могла бы быть реализована на внутреннем рынке, поскольку возможности национальных потребителей оказались недостаточны. Экономический рост обеспечивался в основном за счет экстенсивных факторов, а успехи производства базировались на недопотреблении населения. Рост инвестиций обеспечивался государственными программами, но эти меры не дали бы положительного результата, если бы не масштаб и объемы иностранных инвестиций. Наконец, рост экономических показателей в данном регионе оказался далеко не тождествен улучшению социальной ситуации. И эти тенденции характерны для всех стран, избравших парадигму «догоняющего» развития, в том числе и для государств, образовавшихся после распада СССР.

В то же время сама открытость и многовариантность догоняющего развития позволяет говорить о переходном характере эпохи и заранее признать возможную нелинейность социальных процессов и неустойчивость любых тенденций, не исключая внезапного слома в точках бифуркации. Переходность таким образом всегда чревата какими-то новыми возможностями. И это надо иметь в виду в дискуссиях о глобализации и о перспективах догоняющей модернизации.

В последнее десятилетие прошлого века – в условиях разрушенной экономики и утерянных позиций на мировых рынках – постсоветские государства были вынуждены одновременно восстанавливать государственность и создавать новую рыночную, экономику. Сегодня необходима активная модернизация государства, для соответствия его функций современному этапу развития этих стран, обеспечивающему существенно более высокий уровень жизни.

Рассуждая о выборе социально-экономического курса для постсоветских государств, необходимо учитывать, что в своем

«чистом», формализованном виде, как неолиберальная, так и этатистская модель индустриальной модернизации не соответствуют вызовам времени. Особенности современного мирового развития показывают, что сегодня экономические реформы в отдельно взятых странах, характеризуясь глобальными общими чертами и закономерностями перехода к рынку, объективно должны нести в себе национальное содержание, национальные интересы исторической общности людей, связанных общим менталитетом, культурой, устойчивыми экономическими связями на единой территории. Чтобы сохраниться в качестве самостоятельных хозяйственно-культурных систем и России, и другим «незападным» цивилизациям необходимо конструировать собственную стратегию постиндустриальной модернизации [11].

Неформализованный подход к реформированию общества и государства делает необходимым учет национально-государственного фактора. Проблема «адаптированной модернизации», то есть национальной модели модернизации приобретает для стран «догоняющего развития» решающее значение. В основе любой модели транзитной экономики, будь то японская, китайская, южно-корейская модель или модель стран Латинской Америки и западноевропейских стран послевоенной поры, лежат национальные корни и интересы, определяющие конкретную направленность и различия в стратегиях модернизации.

Примером разработки и реализации собственной стратегии экономической трансформации определяемой наличными возможностями и национально-государственной спецификой является концепция адаптированной модернизации независимого Казахстана. В стране, где одинаково представлены традиции и нормы восточной и западной цивилизаций, наиболее перспективно следование стратегической программе модернизации, сочетающей общие принципы рыночной экономики с уникальными особенностями региона. Большое своеобразие в модернизационные процессы, протекающие в Казахстане, вносят социокультурные факторы, определяющие особенности экономического поведения (традиции общинности, патернализма, плановости), особенности социально-экономического, национально-этнического развития его регионов, их экономического состояния.

Исследователи, работающие в рамках неолиберальной теории, приходят к выводу, что категория национальной экономики на сегодняшний день должна перестать быть структурообразую-

щим началом в экономическом анализе, а понятие «национально-экономические интересы» последовательно теряет реальную базу и морально устаревают. Между тем, более верной и перспективной представляется теория, согласно которой идея адаптированной модернизации экономики является многоаспектной, а ее углубленная и системная разработка, может быть плодотворной при поиске и выработке реальных национальных программ перехода к рынку, рыночным отношениям, то есть выбору стратегии модернизации [12]. Сама экономическая политика государства должна основываться на научных исследованиях. Только в этом смысле можно утверждать о национально-государственной политике, совпадающей и исходящей из национальных интересов.

Литература

1. См. обзор этой темы в более поздней работе Мура [Moore W.E. World modernization: the limits of convergence. – N.Y., 1979.
2. Levy M.J. Contrasting factors in the modernization of China and Japan. // Economic development and cultural change, 1954; Levy M.J. Modernization and the structure of societies. – Princeton, 1965.
3. Vogel E. Japan New Middle Class. – Berkeley, 1965.
4. Старостин Б.С. Социальное обновление: схемы и реальность. Критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран. – М., 1981.
5. Eisenshtadt S.N. Modernization: Protest and change. – N.Y., 1966; Eisenshtadt S.N. Tradition, Change and Modernity. – N.Y., 1973.
6. См.: Coser L.A. Review of «Tradition, Change and Modernity» by S.N.Eisenshtadt. // Science, 1974 – vol.CLXXXIII.
7. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации. // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1998. С. 471.
8. Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 32.
9. См.: Федотова В.Г. Россия в глобальном и внутреннем мире // Мир России. 2000. Т. 9. № 4. С. 3-33.; Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000.
10. См.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: «Academia»-«Наука», 1998.
11. Нечипоренко О.В., Нысанбаев А.Н. Россия и Казахстан в XXI веке: опыт модернизационных реформ. – Новосибирск, 2005
12. Кошанов А.К. Трудное восхождение. На путях к рынку. С. 44-45.